

Социально-психологические и духовные основания евразийской интеграции

Автор обращается к истории и содержанию понятия «евразийский проект», сопоставляет аутентичный евразийский проект группы русских интеллектуалов-иммигрантов с современной формой его актуализации в идее и практике построения Евразийского экономического союза. В статье утверждается, что аутентичный евразийский проект предполагал не просто экономическую интеграцию, но переход к иной парадигме экономического развития — концепции «подчинённой экономики», радикальному изменению типа хозяйствования, активному использованию — внеэкономических нравственных критериев хозяйственной деятельности. Автор делает вывод о том, что архитекторы евразийской интеграции недооценивают значение социально-психологической основы нового союза и формирования евразийской цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: евразийский проект; Евразийский экономический союз; «подчинённая экономика»; евразийская цивилизационная идентичность.

С.И. Данилов

...Время собирать камни.
Екклесиаст

Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, основываясь на Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г., желая укрепить солидарность и углубить сотрудничество между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций, выражая убеждённость в том, что дальнейшее развитие евразийской экономической интеграции отвечает их национальным интересам, 29 мая 2014 г. подписали договор об учреждении Евразийского экономического союза [11]. Станет ли ЕАЭС основой прочной и жизнеспособной континентальной федерации нового типа или повторит судьбу раздираемого противоречиями Европейского союза, зависит от того, смогут ли архитекторы нового объединения достичь широкого общественного консенсуса, опираясь не только на экономические, но и на глубинные духовные основания евразийской интеграции.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ

Понятие «евразийский проект» впервые появилось как результат реконструкции социально-философского наследия группы российских интеллектуалов, оказавшихся волею судьбы заброшенными в вынужденную эмиграцию после октября 1917 г. и именовавших себя евразийцами. Русская революция вновь и с особой силой поставила вопрос о бытии России в мире и смысле российской истории. Разработанная евразийцами социальная концепция представляла собой своеобразную формулу «русской идеи», на постижение которой была направлена вся предшествующая русская социально-философская мысль.

В этой концепции Россия предстает как евразийская держава (государство-мир, великий Востоко-Запад, особая цивилизация) — своеобразный геоприродный, исторический и социокультурный мир,

единство народов которого обусловлено общностью месторазвития, принадлежностью к единому кругу евразийской культуры, сходством ценностей, близостью традиций и общностью исторической судьбы.

Евразийцы приходят к мысли о том, что совокупность народов России является естественно-исторической общностью (симфонической личностью) и поэтому содержит в себе возможность стать подлинно соборным субъектом своего бытия.

Уникальность России-Евразии состоит в том, что, имея все предпосылки для осуществления соборного единства её народов, российское государство совпадает с естественными пределами образования соборного единства, в чём его существенное отличие от других государств мира.

Идеал соборности, который евразийство заимствует у Православия, мыслится ими не как чисто религиозное понятие единства людей в вере, а как принцип социальности — принцип многоединства индивидов, этносов и социальных групп при верховенстве соборного целого. В евразийской доктрине преимущественным выразителем интересов всех народов России-Евразии является русский народ.

Собираясь вернуться в Россию, евразийцы выдвигают проект общего дела — некую методологию волевого действия — для созданной в среде русской эмиграции первой четверти XX в. евразийской организации, которая, по их мнению, должна прийти на смену большевикам.

Вот почему, когда в период перестройки конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века был запущен процесс ломки идеологических устоев советского государства и начались поиски для страны новой идеологии, в академической среде вновь возникает мощный интерес к евразийству как выразителю культурно-исторического своеобразия и исконных традиций России, целостному и достаточно разработанному идейному течению отечественной политической мысли.

Сергей Иванович Данилов — кандидат философских наук, доцент Военного университета Министерства обороны РФ, доцент НОУ ВПО «Институт бизнеса, психологии и управления»

Сами евразийцы понятие «евразийский проект» не использовали, оно впервые появляется и начинает использоваться в работах 1989–1993 гг. профессора А.В. Водолагина, разработавшего онтологию политической воли и исследовавшего историю волюнтаризма в России (статьи «Политический волюнтаризм в России», «Евразийский проект», «Тени великой смуты» и др.) [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Детальная реконструкция социальной философии евразийства и евразийского проекта была осуществлена в исследовании «Социальная философия евразийства: истоки, сущность, современное состояние» [10] и в монографии «Метафизическая ось евразийства» [8], многие формулировки которой были воспроизведены в диссертации (2000 г.) и монографии В.В. Пашенко («Социальная философия евразийства») без ссылок на её авторов.

Предложенный русскими интеллектуалами-иммигрантами евразийский проект «общего дела» подразумевал:

1) в политико-государственной сфере:

- «идеократию» — осуществление властвования «правлящим отбором», формируемым и действующим по принципу «подданства евразийской идее»;

- построение континентальной федерации;

2) в экономической сфере:

- построение «подчинённой экономики»;
- «хозяйнодержавие» (государственно-частную систему хозяйства);
- достижение «автаркичности хозяйства»;

3) в духовно-нравственной сфере:

- осуществление православного идеала соборного единства;
- формирование евразийской цивилизационной идентичности.

Проект представлял собой всеобъемлющий замысел будущего России-Евразии, не сводимый только лишь к геополитической, экономической или культурно-религиозной составляющей.

Широкую известность понятие «евразийский проект» приобрело благодаря политической инициативе по реинтеграции постсоветского пространства Президента Казахстана Н.А. Назарбаева (1994), а также активной общественно-публицистической деятельности А. Дугина. Однако российская власть образца «лихих 90-х» не востребовала тогда евразийский проект как политическую стратегию. Возобладала идеология и практика предательства элитами национальных интересов в угоду системе глобального неокOLONIALИЗМА, политика деструкции унаследованных от СССР экономического и научного потенциала страны, образования, культуры и социальной сферы.

Привыкшая обслуживать решения «руководящих органов» академическая «элита» стала относиться к евразийству как к маргинальному течению отечественной социально-философской мысли и предмету для «научной» критики. В этот период национального мародёрства под прикрытием либеральных лозунгов и призывов возврата в лоно цивилизации любое обращение к консерватизму в идеологии и политике заведомо расценивалось как попытка красно-коричневого реванша. Это, впрочем, не мешало многочисленным «исследователям» плодить схоластические статьи, монографии и диссертации по евразийству, в том числе путём безнаказанного плагиата.

Потребовалось 20 лет для осознания прогрессивного характера евразийского проекта, избавления от иллюзий цивилизационного превосходства Запада, разочарования в активно продвигаемых им моделях политического устройства и экономических порядков, проводимой Соединёнными Штатами политике двойных стандартов, их претензий на единоличное лидерство в современном мире по принципу: «Дави и довлеи!».

Спустя 20 лет после развала СССР Президент России Владимир Путин излагает идею Евразийского союза в статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» в газете «Известия» 3 октября 2011 г. [27]. В своей речи на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 г. Президент России признал: «Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустроение государства, общества не сработало, также как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным

большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера. К слову сказать, не срабатывает такой подход и во многих других странах. Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто, как компьютерную программу» [16].

Власти ставят задачу самоопределения в качестве евразийской державы, реинтеграции «на новой ценностной, политической, экономической основе».

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Евразийский экономический союз мыслится в первую очередь как проект экономической интеграции. Стратегический экономический альянс России, Беларуси и Казахстана предполагает сложение ресурсов стран-участников, увеличение ёмкости рынка, свободное перемещение ресурсов, товаров, рабочей силы и денег: «Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость глобального развития», — говорит Президент России В.В. Путин [27].

Евразийский экономический союз — результат длительного интеграционного процесса, на первой стадии которого было образовано **Евразийское экономическое сообщество** (ЕврАзЭС) — международная экономическая организация, в которую вошли Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан (статус наблюдателей в ЕврАзЭС имели Армения, Молдавия и Украина). Вторым этапом интеграции стал **Таможенный союз** (ТС), объединивший с 2010 г. Белоруссию, Казахстан и Россию. **Единое экономическое пространство** (ЕЭП) — следующая (после Таможенного союза) ступень интеграции Белоруссии, Казахстана и России. ЕЭП предусматривает свободное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также согласованную макроэкономическую политику.

Евразийский экономический союз — экономический союз государств Единого экономического пространства: Россия, Белоруссия и Казахстан. Предполагается, что евразийская интеграция позволяет достичь большей устойчивости и эффективности экономик стран-участниц, ослабления финансово-экономической и технологической зависимости от стран Запада, что соответствует концепции автаркичности экономики России-Евразии, предлагавшейся евразийцами прошлого века.

В проекте евразийской интеграции самым непосредственным образом реализуется и геоэкономическая концепция автаркии больших пространств европейского экономиста и социолога Фридриха Листа (1789–1846) [20]. По мнению экспертов, Россия должна иметь экономическое пространство в 250–280 млн человек, как в Советском Союзе: тогда будет иметь место положительный «эффект масштаба» экономики (economies of scale — экономия, обусловленная ростом масштабов производства). Нынешняя российская ситуация и 140 млн человек не позволяют достичь такого эффекта [13]. Ёмкость рынка выполняет для процесса производства ту же функцию, что и печная тяга для процесса горения — чем больше, тем активнее процесс. Таможенный союз увеличивает ёмкость рынка до 168 млн человек, ЕврАзЭС — до 181 млн. Если брать подписанный Договор о свободной торговле (ЕврАзЭС плюс Украина, Армения, Молдавия), то это уже 233 млн человек, в случае присоединения к нему Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана — 276 млн. Тогда мы приближаемся к нижней критической границе самодостаточности рынка.

Первый эффект от Таможенного союза уже зафиксирован: темпы роста взаимной торговли стран ТС в 2 раза выше, чем внешней (10% против 4,7%). И структура взаимной торговли между странами ТС гораздо лучше: продукция ТЭК в ней составляет 37% (во внешней — 74%). Важнейшая задача — дальнейшее развитие внутреннего рынка стран ЕАЭС. По мнению ряда экспертов, внутренний рынок будет раз-

виваться только при эффективном использовании прежде всего собственных валютных ресурсов России и стран Евразийского экономического сообщества. С этой точки зрения показателен пример Бразилии, которая ограничила приток иностранных инвестиций законом и за счёт внутреннего спроса добилась темпов роста, в том числе в промышленности, в два-три раза более высоких, чем в России.

Евразийский союз позволит обеспечить более прочную продовольственную безопасность, если богатейшие возможности «тройки» использовать для развития АПК. Объединённые запасы плодородных земель стран будущего Евразийского союза (ЕАС) составят порядка 340 млн га. Эти запасы, по оценке учёных и специалистов, способны прокормить минимум 1,5 млрд человек, то есть себя и каждого пятого жителя планеты. По мнению ряда экспертов, необходимо создать собственную технологическую платформу развития земель (по примеру ЕС) под названием «Единая система землепользования и жизни на сельских территориях». Тогда мы получим следующие результаты: потенциальный оборот сельской экономики ЕАЭС составит 2 трлн долларов, объём экспорта продовольствия — 1 трлн долларов, будет создано 50 млн постоянных рабочих мест в фермерском и перерабатывающем секторах сельской экономики.

В качестве примера можно взять Германию, где на 17 млн гектаров земель создана сельская экономика объёмом 300 млрд долларов США в год (100 миллиардов — доходы фермеров и 200 — пищевой промышленности). Это в 4 раза превышает всю строительную индустрию Германии и лишь в полтора раза меньше автомобильной промышленности. С учётом мультипликационного эффекта на 17 млн гектаров плодородных земель завязана треть базовой экономики Евросоюза.

Создание общего товарного, а затем финансового и валютного пространств с расчётами в национальных валютах поможет сгладить мировые финансовые потрясения для государств будущего Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Интеграция и совместное развитие транспортных систем стран Евразийского экономического союза обеспечит надёжный наземный транспортный коридор, соединяющий страны восточной Азии с Европой, что укрепит геополитическое положение России в азиатско-тихоокеанском регионе, будет способствовать социально-экономическому развитию Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока.

Евразийский вектор развития производительных сил страны уже намечен. Об этом свидетельствуют мегапроекты по реконструкции Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, освоению богатств Южной Якутии и Дальнего Востока, строительству в Амурской области космодрома «Восточный».

Существенный прорыв произошёл на «евразийском» направлении внешней политики страны. В 2014 г. значительно укрепились позиции России среди стран БРИКС, подписан исторический тридцатилетний контракт между российским «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) на поставку газа, стратегические соглашения о сотрудничестве российских и китайских железных дорог, создании российско-китайского широкофюзеляжного дальнемагистрального самолёта, совместных проектах и сотрудничестве в сфере машиностроения, химической промышленности и строительства инфраструктуры.

ПОДЧИНЁННАЯ ЭКОНОМИКА

В монографии «Метафизическая ось евразийства» [8] мы показали, что евразийство можно рассматривать как транскрипцию «русской идеи», а евразийский проект — как вектор её практически-волевого осуществления, являющийся альтернативой западной цивилизационной модели.

Однако нетрудно видеть, что принципы построения Евразийского экономического союза целиком укладываются в парадигму западного экономического и политического развития, а сам Евразийский экономический союз по большому счёту является всего лишь большим межгосударственным бизнес-проектом. При этом экономика по-прежнему остаётся «хищной», истощающей во имя прибыли и природные, и человеческие ресурсы, допускающей эксплуатацию труда и несправед-

ливое распределение созданного богатства, отдающая предпочтение финансовому капиталу, а не реальному производству, рента от использования природно-ресурсного потенциала страны идёт на обогащение олигархической верхушки, а не на образование, медицину, культуру и поддержку социально незащищённых слоев населения. Культивирование в последнее время концепции человеческого капитала является попыткой замаскировать негуманный характер экономики западного типа, так как теоретически оправдывает и закрепляет отношение к человеку как средству — фактору увеличения прибыли.

Между тем аутентичный евразийский проект предполагал переход к иной парадигме экономического развития — концепции «подчинённой экономики». Подчинённая экономика — это перезагрузка всех экономических отношений и преодоление воинствующего эгоизма, радикальное изменение типа хозяйствования, активное использование внеэкономических — нравственных критериев хозяйственной деятельности. Для определения экономики, подчинённой нравственно-религиозным императивам, евразийцы (Савицкий, Чхеидзе) использовали понятия хозяйнодержавия.

Сегодня императив подчинённой экономики находит отражение в дискуссиях о социальной ответственности бизнеса, «зелёной» экономике, социальном предпринимательстве и нравственной экономике. Реальные ростки нравственной экономики находят воплощение в менеджменте, основанном на доверии [21, с. 41–45; 32, с. 10–14], исламском банкинге, объединениях православных предпринимателей, возрождении меценатства, отдельных примерах государственно-частного партнёрства.

В подчинённой экономике частный интерес не должен осуществляться вопреки интересу общества как некой целостности. Как показывают исследования [26, с. 3–6], необходимый баланс интересов в современных условиях может быть обеспечен путём внедрения в систему государственного управления *стратегического индикативного планирования*, системы долгосрочного прогнозирования, балансового метода, отраслевых контрактов, которые регулируют отношения государства и целых отраслей, макроэкономического и межотраслевого моделирования. Индикативное планирование можно определить как механизм координации интересов и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой, который сочетает её государственное регулирование с рыночным саморегулированием и основывается на разработке системы показателей (индикаторов) социально-экономического развития. В отличие от директивного планирования это равноправное взаимодействие, непосредственная вовлечённость хозяйствующих субъектов в процесс управления экономикой при ведущей роли общегосударственных интересов. Индикативное планирование предполагает процедуры согласования и координации действий интересов государства и бизнеса. Современной экономикой невозможно управлять без этих методов, особенно с такой сложной системой хозяйства, как в России. Эти методы не имеют никакого отношения к идеологии в плане их политической окраски (левой или правой, либеральной или нелиберальной), но допускают при планировании экономического развития использовать демографические, образовательные и социокультурные ориентиры. Внедрение стратегического индикативного планирования — это изменение всего подхода к формированию и принятию государственных документов стратегического уровня, который бы определял как промышленно-технологическое, так и социально-экономическое развитие России.

ПОДДАНСТВО ИДЕЕ

Нетрудно видеть, что движение к евразийской интеграции сегодня гарантировано политической волей президентов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан — харизматичных политических тяжеловесов Владимира Путина, Александра Лукашенко и Нурсултана Назарбаева. Однако политические элиты в странах-союзниках неоднородны, и противников евразийской интеграции в них хватает: одни выступают с националистических позиций, пугая коварными планами России возродить на постсоветском про-

странстве империю и свое абсолютное доминирование, другие — игнорированием тенденций глобализации и самоизоляции¹.

«Если для значительного числа населения в России и в странах-сосюзиках идея евразийской интеграции выглядит очень привлекательно, то часть национальных элитных групп в объединении с Россией видят потенциальную опасность потери своих позиций, влияния, денег. Представители этих кругов мыслят категориями временщиков, а не стратегов, заботятся о собственном кармане, а не о судьбах народов... Именно на эту часть элиты рассчитана работа западных структур, стремящихся противодействовать реальной евразийской интеграции...» [25, с. 29].

Однако значение евразийской интеграции слишком велико, чтобы этот исторический проект зависел от узкого круга конкретных политиков. Устойчивый механизм воспроизводства «правящего отбора» преданных идее евразийской интеграции может существовать лишь в обществе — носителе особой идентичности.

Но именно эти социально-психологические и духовные аспекты евразийского проекта современными архитекторами Евразийского экономического союза отложены на потом. Интеграция на постсоветском пространстве отводит культурным процессам исключительно подчинённое место и рассматривает их не как восстановление целостности постсоветского социокультурного пространства, целостности русско-евразийского мира, а в лучшем случае лишь как «смазку» для маховика многомиллиардных энергетических, инфраструктурных и иных проектов. Остаётся безучастной к интеграционным процессам подавляющая часть общественности и СМИ России, Беларуси и Казахстана. Идея евразийского союза не представлена должным образом в образовательных программах систем общего, среднего и высшего образования стран-участниц.

Экономическая интеграционная политика не будет иметь успеха, если её не дополнить соответствующей информационной, культурно-образовательной и социальной политикой, формированием пространства единой евразийской культуры. Нужна «дорожная карта» социально-гуманитарного сотрудничества. По словам генерального директора Центра социально-консервативной политики (ЦСКП) Людмилы Шуваловой, интеграционные процессы на Евразийском пространстве имеют судьбоносное значение. С формированием ЕАЭС решается вопрос выбора пути дальнейшего исторического развития каждой из стран — участниц Союза — вопрос широкого общественного консенсуса, а не соглашения элит. Речь идёт о сохранении нашей цивилизационной идентичности и нашего суверенитета. Евразийская интеграция даёт возможность для многих стран постсоветского пространства их сохранить. В противном случае мы просто растворяемся между сильными геоэкономическими и геополитическими центрами мира [13]. В этом убеждён и последовательный сторонник евразийского проекта Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев: «В долгосрочной перспективе евразийской интеграции альтернативы не существует» [15].

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Новейшая история России, примеры других стран мира, принявших западные модернизационные проекты, лишь подтверждают выводы целого ряда политических мыслителей о том, что утрата любой нацией своей идентичности грозит ей потерей способности к стратегическому самоутверждению (в терминологии Ю. Хабермаса — «экзистенциальному самоутверждению нации»), эрозией политики (только сознание национальной идентичности заставляет людей чувствовать взаимную политическую ответственность [33, с. 369–370]; национальная идентичность — духовное основание современной

политической конструкции, условие развития живого политического бытия [37, с. 387, 394]). Разрушение идентичности народа оборачивается его неспособностью сформулировать национальный интерес («национальные интересы вырастают из национальной идентичности» [35, с. 31]) и в конечном итоге — утратой народом своей исторической экзистенции: его способности к самоосуществлению и созиданию своей исторической судьбы, к жизни, опирающейся на собственные глубинные основания: культурно-исторические, геополитические и духовно-религиозные. С утратой идентичности общество перестаёт быть обществом и превращается в атомизированную массу отчуждённых индивидов — удобный материал для социально-политического, идеологического и экономического манипулирования. Традиционно выступая в роли универсальных социально-психологических механизмов отбора наиболее эффективных способов конструирования и оснований консолидации обществ, тем не менее национальные идентичности почти повсеместно подверглись деформациям, эрозии, деструкции, главным образом под давлением процессов глобализации, что обсуждается в современной отечественной и зарубежной социальной философии и культурологии как одна из самых значимых гуманитарных проблем [8; 9; 11; 23; 34; 36; 37; 38].

Всё сказанное объясняет, почему общество и государство должны быть объективно заинтересованы в воспроизводстве национальной идентичности как социально интегрирующем факторе и почему формирование национальной идентичности должно стать предметом особой заботы институтов образования и социализации детей и молодёжи. Очевидно и другое: система образования и институты социализации сегодня неэффективны в воспроизводстве положительной идентичности у детей и молодёжи [2; 9; 19]. Как показывают социологические исследования, до недавнего времени единственной позитивной опорной точкой национального самосознания постсоветского общества является Великая Победа, вызывающая у россиян наибольшую гордость в истории страны и выступающая главным элементом их коллективной идентификации (даже полёт Ю. Гагарина, былое и сохраняющееся в отдельных направлениях лидерство страны в космосе утратили своё идентификационно-символическое значение!). В 2014 г. к событиям, оказавшим значительное влияние на уровень национального самосознания, можно добавить вхождение Крыма в состав России.

В целом социально-психологическая задача формирования российской национальной идентичности после демонтажа СССР остаётся нерешённой. «Сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX в., когда мы дважды пережили распад нашей государственности, — признаёт В.В. Путин. — В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся. Ведь вопрос ответственности перед самим собой, обществом и законом — один из основополагающих не только в праве, но и в повседневной жизни» [27].

В таком незавершённом, несформированном виде российская идентичность столкнулась с серьёзными вызовами: усилением этнических идентичностей коренных народов России, включая русский народ, а также проблемой культурной ассимиляции приезжающих иммигрантов и их адаптации к российским культурно-ценностным нормам, вовлечение в единое языковое пространство принимающего, исторически сложившегося общества [30]. В условиях слабости общероссийской национальной идентичности этнические идентичности опасны своим тяготением к этническому национализму, интолерантности, мобилизации по этническому признаку в ответ на обострение

¹ Согласно опросу, проведённому Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 70% россиян одобряют создание Евразийского экономического союза [14]. Вместе с тем у ЕАЭС немало активных оппонентов. Например, в одной из передач радиостанции «Эхо Москвы» прозвучало: «Это вообще довольно давняя теория российских и советских лузеров, вечных двоечников. Ну, не можешь угнаться за Европой, не можешь угнаться за цивилизованным миром — забирайся в какую-нибудь крысиную нору и создавай Евразийский союз... А может быть, он просто на блоке наткнулся, где-нибудь в сарае прочитал: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, там, повернёмся своєю азиатской рожей». Мы, в общем, давно повернулись своей азиатской рожей. Там нам и место. Страны-изгои» [24].

социальных проблем и противоречий, включая религиозно-политический экстремизм.

Чтобы этническая идентичность не сопровождалась формированием этнической интолерантности и не служила общественной дезинтеграции, она должна формироваться в контексте более широкой идентичности, пониматься как индивидуация объемлющей культурно-исторической общности. Национально-гражданская консолидация невозможна на основе произвольной искусственной и конъюнктурной идеи — для этого требуется реальная традиция, общая для всех составляющих нацию этносов. Это тем более актуально для реализации проекта межгосударственной интеграции. Но у каждого народа традиции существуют во множественном числе, зачастую противореча друг другу. (Вспомним, для примера, размышления Н.А. Бердяева об антиномиях русской души.) Именно проблема выбора обычно лежит на пути достижения необходимого национального согласия. «...В переломные, кризисные времена, требующие реакции, способности повелевать, организации на основе центральной идеи разрозненных и неустойчивых народных сил, встает вопрос о выборе традиций. В собственном прошлом необходимо отыскать идеи, наиболее созвучные тем людям, которые в подобные моменты должны стать зачинателями нового цикла» [39, с. 101].

Исторический опыт России свидетельствует: наша страна обладает уникальной возможностью реализации государственной национальной политики — и в отношении традиционных для страны этнических общностей, и в отношении новообразованных диаспор, и в отношении народов создаваемого Евразийского союза — не на основе пресловутого мультикультурализма¹, а на иных, естественных для неё культурно-исторических традициях с опорой на этнические идентичности российских народов. «У нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Эта поликультурность, полиэтничность живёт в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность», — говорится в статье Президента России [27].

Построение Евразийского союза России, Беларуси и Казахстана с перспективой его расширения за счёт Киргизии и Армении, евразийский разворот во внешней политике России, её возвращение на мировую арену в качестве самостоятельного и влиятельного субъекта мировой политики создают объективные предпосылки актуализации и укрепления российской идентичности как евразийской цивилизационной идентичности.

В контексте проблемы формирования национальной идентичности России как поликонфессиональной и полиэтничной евразийской державы и центрального субъекта евразийской интеграции идейно-философское наследие евразийцев приобретает особую значимость:

- опыт их исследования истории и факторов становления «евразийской идентичности» и доказательства принадлежности народов европейской и азиатской России к единому кругу евразийской культуры (работы П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, П.П. Сувчинского, Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина и других евразийских авторов);

- теория *евразийского национализма* (Н.Н. Алексеев: «Не «интернациональна» русская культура, но сверхнациональна и «соборна...»; Н.С. Трубецкой: «русский национализм — это общеевразийский национализм, ничего общего не имеющий с узконациональным партикуляризмом»; схожее у И.А. Ильина: «... национализм есть любовь к духу своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию») [8].

Важную роль в структуре евразийской идентичности народов России-Евразии, по мнению евразийцев, играет *евразийское мирозерцание*, элементы которого проявляются в русской духовной традиции и представляют собой: ощущение единства исторической и природно-космической жизни; взгляд на Россию как «целый мир» — «великий Восток-Запад» и «синтез культур», необходимость которого обусловлена «срединным» месторасположением страны, а возможность — особым типом социальных связей, исторически складывавшихся в России: общинностью и православной соборностью.

«Россия поистине является православно-мусульманской, православно-буддистской страной», — писал П.Н. Савицкий [29]. Её народы, объединённые общностью исторической судьбы, сделали свой духовный выбор в пользу веротерпимости, что позволило избежать религиозных войн и кровопролитий в поликонфессиональной стране.

Некоторые критики евразийского проекта высказывают опасения, что «евразийская идентичность» затмит собой национальную и получит новый «советский человек» без рода и племени, духовности и традиций. Но евразийский союз — не «плавильный котел»: «Евразийство, если можно так выразиться, — это море, куда впадает множество рек, и в том смысл их течений. А без рек и морю не бывать», — писал Чингиз Айтматов [1].

Евразийская полифоничность культуры России даёт шанс на формирование «цивилизационной евразийской идентичности» как основы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, в том числе и с иммигрантами. Традиция соборности предполагает, что при формировании солидаризирующей российской идентичности нельзя нивелировать этнокультурные различия, а также признание того, что в формировании цивилизационной общности России-Евразии — многонародной российской нации — объединяющую роль играет русский народ как преимущественный выразитель соборного единства, а русская/рускоязычная культура — основы гражданской консолидации.

В связи с построением Евразийского экономического союза задача формирования «цивилизационной евразийской идентичности» приобретает особую актуальность. Евразийская идеология должна быть «вплетена» в систему ценностей индивида. В противном случае она не захватит ум и устремления человека, будет мертворождённой. Это серьёзная задача для авторов учебников истории, краеведения, литературы, общественных, в том числе детских и молодёжных организаций, творческих объединений и средств массовой информации. Нужно понимать, что архетипическая комплиментарность евразийских народов сегодня характеризует больше старшие поколения россиян, казахов, киргизов и т.п. и в меньшей степени — молодёжь.

Сегодня государствам будущего союза необходимо возвратиться к традиции понимания образования как национального воспитания. Применительно к России эту задачу выразил когда-то И.А. Ильин: «Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть её будущий исторический путь» [18]. Системы образования в странах Евразийского союза должны транслировать универсалии евразийской культуры, перед лицом которых национальные, религиозные и политические противопоставления отошли бы на второй план. Вопрос о таких универсалиях и представляет главную трудность евразийского проекта. Основоположники классического евразийства хорошо это понимали. Вот, например, что написал по этому поводу Николай Трубецкой: «Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде

¹ Опыт США, ФРГ, Франции, Великобритании, Германии, Австрии, Нидерландов, Дании, Норвегии, Швеции и других стран Запада привёл к разочарованию в политике мультикультурализма по созданию благоприятных условий для интеграции иммигрантов в условиях глобализации и мультикультурной диверсификации населения. Идея мультикультурного сообщества предполагала, что представители различных культур должны были бы комфортно и бесконфликтно сосуществовать в нём на основе толерантности и национально нейтральных ценностей гражданского общества. Но на практике идея национального «плавильного котла» привела к усилению этнических идентичностей, в первую очередь иммигрантов, не желающих интегрироваться в европейскую культуру, к ослаблению и обезличиванию национальных культур коренных народов Старого Света, возрастанию социальной напряжённости в европейских странах на почве неприязненных межнациональных отношений, угрожающих новым «еврорасизмом». «Толерантность» и «мультикультурализм» в европейском исполнении работают не на интеграцию иностранцев или тем более их ассимиляцию, а на сегрегацию. Вывод, к которому склоняется всё больше экспертов и политиков: толерантность — слишком слабый заслон для нарастающих волн «еврорасизма», экстремизма на почве национальной розни и ксенофобии, а «интеграция возможна только в сильную доминирующую культуру, а не в «толерантность» и «безликость» мультикультурализма [17; 22; 28]. Ю. Хабермас считает, что гражданство должно быть не просто юридическим статусом личности, а членством в культурно определяемом сообществе, имеющем общее происхождение и судьбу [33, с. 370].

всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определённое место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов». И далее следует пророческая

мысль: «...Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнёт распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех её частей» [31].

Литература

1. Айтматов Ч. Путин хорошо вписывается в контекст евразийской идеи. http://aytmатов.com/index.php?option=com_content&view=article&id=200:--q-----q&catid=88:2011-01-19-12-40-48&Itemid=277.
2. Беликов С.В. Антифа. Молодёжный экстремизм в России. — М.: Алгоритм, 2012.
3. Водолагин А.В. Евразийский проект // Мулета. — Париж, 1991.
4. Водолагин А.В. Онтология политической воли. — Тверь, 1992.
5. Водолагин А.В. Тени великой смуты // День. — 22 августа 1991 г.
6. Водолагин А.В. Явление самозванца // Ориентиры. — 1991. — № 1.
7. Водолагин А.В., Болдырев А.И., Иванов А.В. Четвёртая печать. Эскизы к феноменологии русского духа. — Тверь, 1993.
8. Водолагин А.В., Данилов С.И. Метафизическая ось евразийства. — Тверь, 1994.
9. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. — М., 2004.
10. Данилов С.И. Социальная философия евразийства: истоки, сущность, современное состояние: дис. ... канд. философ. наук. — М., 1994.
11. Данилов С.И. Формирование национальной идентичности как педагогическая проблема // Педагогическое образование и наука. — 2006. — № 6.
12. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
13. Евразийская интеграция: новые правила игры для бизнеса и капитала // Инициативы XXI века. — 2012. — № 4.
14. Евразийский коммуникационный центр. <http://eurasiancenter.ru/newsec/20140703/1003570636.html>.
15. Евразийский экономический союз: теория или реальность. <http://kr.kazpravda.kz/c/1237585772>.
16. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». <http://news.kremlin.ru/news/19243>.
17. Зорькин В. Современное государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. Федеральный выпуск. — № 5579 (203). — 13 сентября 2011 г. <http://www.rg.ru/2011/09/07/zorkin-site.html>.
18. Ильин И.А. О русском национализме: сб. статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2006.
19. Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И.М. Быховской. — М.: Смысл, 2012.
20. Лист Ф. Национальная система политической экономии. — СПб., 1891.
21. Любомудров Д.В. Атакующие стратегии для России // Инициативы XXI века. — 2010. — № 1.
22. Меркель признала провал мультикультурной модели. <http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/>.
23. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. — М.: Праксис, 2002.
24. Обычный взгляд. <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/817311-echo/>.
25. Пономарёва Е., Рудов Г. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель-Observer. — 2013. — № 9. — С. 29.
26. Попова Е.В. Стратегическое планирование — залог успеха модернизации // Инициативы XXI века. — 2010. — № 4–5.
27. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 3 октября 2011 г. <http://izvestia.ru/news/502761>.
28. Ружин Д. Русские хотят не привилегий, а равноправия и справедливости // Аргументы недели. — 15 сентября 2011 г. — № 36. <http://argumenty.ru/society/n306/124792>.
29. Савицкий П. Поворот к Востоку. <http://www.nevmenandr.net/eurasia/1921-isход-PNS-povorot.php>.
30. Сахарова В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запады. — СПб.: Златоуст, 2011.
31. Трубецкой Н. Общевразийский национализм. <http://eurasiainform.md/klassika-obshheevrazijskij-nacionalizm-nikolaj-trubeckoj.html>.
32. Фурта С.Д., Соломатина Т.Б. Это загадочное слово Integrity // Инициативы XXI века. — 2013. — № 2.
33. Хабармас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ / Политические работы. — М., 2005.
34. Хабармас Ю. Расколотый Запад. — М.: Весь Мир, 2008.
35. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004.
36. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10.
37. Хьюбер К. Нация: от забвения к возрождению. — М.: Канон+, 2001.
38. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. — М.: Прогресс-Традиция, 2011.
39. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND SPIRITUAL FOUNDATIONS OF THE EURASIAN INTEGRATION

S.I. Danilov

PhD in Philosophy, associate professor at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, associate professor at the Institute of Business, Psychology and Management

The author refers to the history and content of the concept «Eurasian Project» and compares this authentic Eurasian Project of the Russian group of intellectuals and immigrants with the modern form of its actualization in the idea and practice of building the Eurasian Economic Union. This article asserts that authentic Eurasian Project supposed not only economic integration but the transformation to a different paradigm of the economic development — the concept of «subordinate economy», a radical change in the type of management, and active use of non-economic — moral criteria of the economic activity. The author concludes that architects of the Eurasian integration underestimate an importance of the social and psychological basis of the new union and formation of the Eurasian civilizational identity.

Keywords: Eurasian Project; Eurasian Economic Union; «subordinate economy»; Eurasian civilizational identity.